

16 коп.

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

ГОРЬКИЕ
ЯБЛОКИ

Лирика

ЛЕНИЗДАТ · 1966

СЕРИЯ
ТОПІКНЕ
РІВНОКН

1980

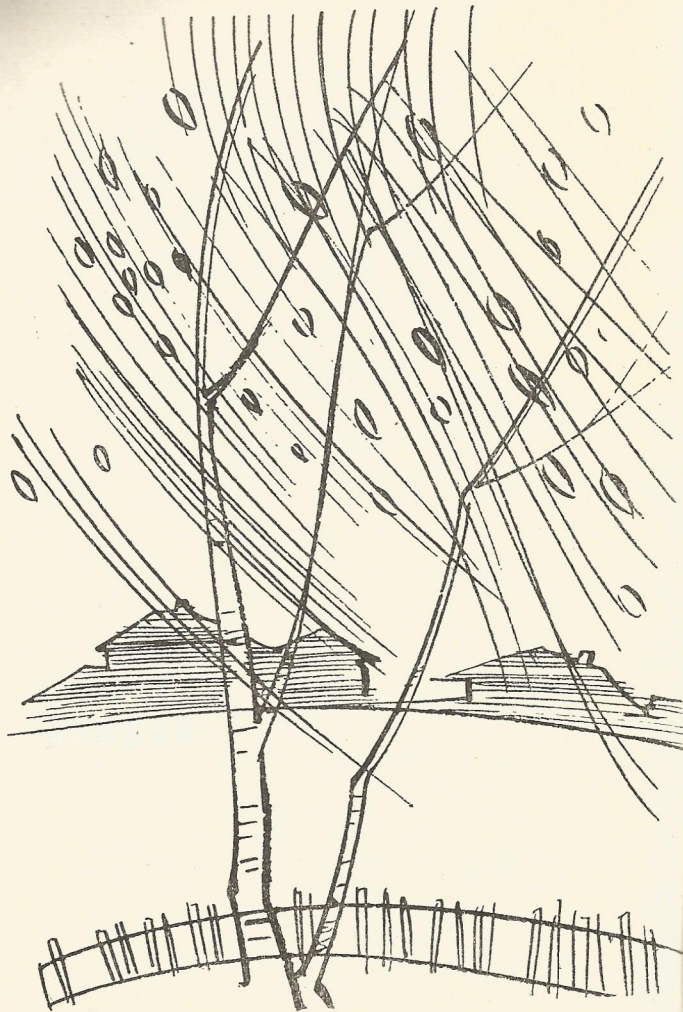
1980

ЗАБОТА

Величезна робота чекає на вас
в кожній миттєвості життя.
Вам потрібно бути завжди готовими
до виконання своїх обов'язків.

Величезна робота чекає на вас
в кожній миттєвості життя.
Вам потрібно бути завжди готовими
до виконання своїх обов'язків.

●
Время столько забот назаботило,
Породило такую страду!..
Нам с тобою одна непогодина
И веселье одно на роду.

Всё, что было, что есть тут, что станется:
И святые дела, и грехи —
Всё останется, внукам достанется,
Насовсем, до последней крохи;

От покорства до ядерной ярости —
Наша радость и наша беда...
Нам еще далеко до усталости:
Жизнь хотя не медá, — не годá.

Тыща лет! это ж — самая молодость:
Не дымить, а гореть нам и греть!
Только вновь не завьюжила б холодность,
Чтобы впредь не стареть нам, а зреть!

Лишь бы мертвое въявь не ожило бы,
О котором живым не судить, —
Не всочилось бы вкрадчиво в жилы нам,
Только б души пред ним затворить!

Век зубаст! Целит прямо и пристально:
Кто споткнулся — швырнёт в переплав.
И дорога, крутая, кремнистая,
Пролегла не для ахов и слав.

Нам по ней и шагать, и карабкаться,
Песни петь, задышаться от слёз,
И кому-то с наградою цацкаться,
И кому-то лететь под откос,

И каким-то, невесть кем проверенным
Руки греть у людского труда...
До вершины дорога не мерена,
Не проложены рельсы туда.

Это нам, это нам их прокладывать —
Далеко! Высоко-высоко!

Это нам тебя ладить и радовать,
Не забывшим твоё молоко.

Мать-Россия, и розги и ласыньки,
Ни на что не пеняю, твой сын;
Только знай: и другие не пасынки,
Только помни, что я — не один!

КУКУШКА НА СНЕГУ

Вы видели кукушку на снегу?
Вы слышали раскатистую птаху?
Как будто голову кладущую на плаху,
Когда другие птицы ни гу-гу,

Когда апрель с морозом заодно:
Притих, забыл свое предназначенье.
И стонет, тонет голубое пенье,
Ложась на зимнее зияющее дно...

Так небывало! Вáлит снегопад,
И огневеет ломкий клич кукушки:
Как будто разгорается набат
На голой, обессоченной макушке.

И, немо вопия, взметнул старюка-клён
Кривые руки к серому восходу:
«Даруй, апрель, зеленую погоду!»
Но глух апрель, куржою убелен.

А снег лежит. Не хочет плакать снег.
Хохочет снег: «Сожги меня попробуй:
Прохоложу — не запоешь вовек!» —
И кроет землю белою хворобой.

Да, не до песен теплomu комку
В тисках у холодюги-великана.
Но твоему горящему «ку-ку!»
Уже поверил юный лес, Весняна!

Веди, буди от ледяного сна:
Земля должна! Земля еще задышит!
Ратуй, бедуй: тебя поймет весна,
И солнце огнepёрое услышит!

●
Телега твердит на колдобинах:
«Скорее, скорее домой!..»
Земля без идиллий особенных, —
Сказать, не фартовой иной.

Ни злом, ни добром не обйдена,
Привыкшая смирно стоять,
Моя неречистая родина,
Неровная низь-неоглядь.

Какие просторища вихорю!
Полынно. А ты веселá.
Прости деревенскому жихарю,
Что он поотвык от села,

Что, взросший на бульбе да ячниках,
Взогретый на русской печи,
Оратый твой числится в дачниках,
Что в городе гуще харчи.

Прости, что не краснó тут мыслится,
Что в страды — не густо родни,
И радуг твоих коромыслица
Линяют и гнутся одни...

Ты душеньку ль тешишь обидою,
Не веруешь, праздника ль ждешь, —
Крутым калачам не завидуя,
Баючишь негромкую рожь.

Лишь солнце твоих не сторонится
Мозолей, морщин и седин,
Да пляшет замшелая звонница
Под звездную дудку турбин.

Но ты возрастаешь, не сетуя,
Зрелишь в себе жаркую дрожь...
Ах, родина, песня неспетая,
Откуда ты силу берешь?

ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ

На доброй пашне, в широкополье,
Олешник вымахал да лоза;
В саду крушиновое раздолье
Глумится в горестные глаза.

Тропа лосиная, сыроежки,
Разлопушился вовсю репей;
Как непогашенные головешки,
Швыряет гуца тетеревей.

В тени цикута — пьянее, глуше,
На взлобке лысом солнечный гнет.
И вдруг тебе, как смутную душу,
Чащоба яблоню распахнет.

Узнал? Припомнил босое детство?
Сад в белом смехе, в обнимке нив —
Совсем не чье-то, твое наследство,
Тебе завещанный белый налив?

Тихую радость, льнущую к дому,
Бери, бывало, хоть из окна!
Тебе, тебе — никому другому, —
Тебе была вручена она...

Ручей зачахший. Замшелый мостик.
Крыльцо — два камня по старине...
«Я рада! Здравствуй! Надолго в гости?
Ну как жилось-то на стороне?»

Чего ж срываешь ты шишки с ели?
Я зла не помню. Добра не жаль.
Ведь снова август, плоды поспели:
Иди ко мне, снимай урожай...»

Пылает полдень, а мне морозно:
Как в суд с поличными привели...
Не надо, сердце! — еще не поздно
Просить прощения у земли!

МАШУК В ТУМАНЕ

Заси́нен понизу такой тоскливой дымкой,
Закован посреди в сиреневую медь,
Упрятал маковку под шапкой-невидимкой:
Вникай — не разгадать, пронзай — не проглядеть.

И стынет, и кипит, и гневно грозы копит,
И кутает глаза в беспмятный туман,
Но не стяхнет с груди и в тучах не утопит
Последний стон певца замшелый великан.

Багров закат, горюч. Щербат плитняк пунцовый...
Иная мера тут, бессонная гора:
Безродным и пустым сужден кулак свинцовый,
Великим и живым — прощальная пора.

Всё — боль и маета. И душно жить, и тошно.
Не всё ль равно беде, Мартынов или ложь?
Судьбы слепая злость, тебе казнить безбожно,
Убившая Его, ты тем и не умрешь.

Тяжка и каменна холодная подошва,
Что значит перед ней высокий человек!
Течет по склону лист, как бурая пороша,
Как выстывшая кровь, как порыжелый снег.

На четырех углах — четыре спящих грифа,
Цепей кандалных жуть, застриженный самшит...
Но вьется Машука всклокоченная грива —
От выстрела того еще дрожит!

У СОРОТИ

Горький глен сочится на меже,
Горбит плечи высохшего тмина.
И проворный утренник уже
Расстелил холстину обочь тына.

До чего же темная вода:
Как тут глубоко в гнезде обрыва!..
Не его ль заждались провода?
Не о нём ли разгрузилась нива?

День нахохлен: и ветрян, и мглист.
Вот бы песней обогреться саду!..
Хрустнула калитка, скрипнул лист.
— Саша! Сань!.. — зовет старушка ладу.

ЛИСТОБОЙ

Бывает так: июлем знойным
С березы канет спелый лист —
И сразу станешь беспокойным,
И день уже не так лучист.

Весомей дымка, небо строже,
Темней, задумчивей камыш...
И ощутишь горячей кожей,
Как выстывает в чаще тишь.

Услышишь: чуткая осина
Бросает в дрожь лесной покой,
Крадется сумрачной низиной
Угрюмый ветер-листобой.

Увидишь: табунится птица,
Вода стеклянной — глубь видна...
И вмиг тревога угнездится
В душе, распахнутой до дна.

И ты поймешь: не шутит время, —
Устал — не жди, не пощадит:
Собьет, сомнет — ему не бремя —
Оно везде! Оно глядит!

Увидишь: табунится птица,
Вода стеклянной — глубь видна...
И вмиг тревога угнездится
В душе, распахнутой до дна.

И ты поймешь: не шутит время,
Устал — не жди, не пощадит:
Собьет, сомнет — ему не бремя —
Оно везде! Оно глядит!

ЗИМНЕЕ

Тычет в глаза пологая гладь,
Течет без майских прикрас.
Ни обогнуть, ни обогнать,
Никуда не запрятать глаз.
Нага, холодна, как вир без дна,
С канюком-стариком в борозде.
Только она, одним-одна,
Куда ни метнешься — везде.

И два кургана молчат на ней,
Точь-в-точь застывшая грудь.
И вросших в землю глухих камней
Никаким стихом не спугнуть.

Никаким костром, никаким огнем
Не размять немой белизны:
И ночью и днем, ни ночью, ни днем
Не размыкать до самой весны.

С ноября до чибисов глади стыть
На ветру, каленом как нож.
Ни позабыть, ни разлюбить,
Ни взять, ни отдать всю дрожь.

Она насовсем: она в тебе,
Душа под коркою льда.
И каждая льдинка в ее судьбе —
Твоя ледяная беда.

И каждая слёзка в чистых очах —
Горючее горе твое...
Причастись: веснеет в зимних ночах
Озябшее сердце ее!

ЗЕМЛЯ

Неотвратимо в белины снега
Впивались солнечные жала...
Земля вскипала, звала, дрожала,
Как птица пестрая, вздымалась к небу;
Она, захлебываясь от бега,
По всем путям всюду бежала
Навстречу бурям, трудам и хлебу.

И, разгораясь нестерпимым светом,
Переполюсь лучистым счастьем,
Плескаясь ультрафиолетом,
В нее влюбленное навеки,
Солнце буйствовало от страсти!

И с каждым мигом далей веки
Щедрее, шире приоткрывались.
И с каждым часом ручьи и реки
Хмельней плясали, звончей смеялись.

И, полушубок потный сбросив,
Совсем не думая о морозе,
Вставала озимь на тонких лапах
И так понятно, внятно-внятно
О тучных грезила колосьях.

И в ноздри бил нездешний запах —
Глазами видимый, в красных пятнах,
В копейках рыжих, в цветных накрапах.

Земля бродила, набухая соком,
Земля стонала, изнемогая.
И вездесущим ревнивым оком
За ней следило жарынь-светило.

А ливни вешние поили землю,
Крутые ветры целовали в губы;
И, всё объемя и всё приемля,
Хозяйский долг выполняя свято,
Во имя будущего лета
Над нею люди-жизнелюбы
Склонялись с самого рассвета,
Не разгибаясь до заката.

Земля дрожала, звенела, пела,
Земля дышала кремнинкой каждой,
Переполняясь неумолимой,
Неутолимой жизни жаждой!

Всё это яростное кипенье,
Биенье, пенье, откровенье,
Неодолимая эта сила
Не наважденьем — былью было:
Земля мужала! Земля любила!

ПАМЯТЬ

На сердце у леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнится лобное место,
Невинной полынью заросшее.

Роняет ракета,
Как гильзы, латунь сентябриную.
Забыто, забыто, забыто.
Зарыто. Заровнено глиною.

Ни рва, ни кровинки —
Все годами списано, сглажено.
Осинами стали осинки,
Лепечут: «Все мирно, все слаженно.

Прихожий, прохожий,
Не стой, выставляя под тучами:
Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горячими.

Им виситься долго,
Их горького долга твое не касается...»
Но давнее — взяло! отволгло! —
Как ливень слепой, разгорается:

Поляна за кромкой,
Как сердце седое, — урочище,
Морозище, красный и громкий,
И шмайссера око хохочущее!

И эти осинки —
Прямые, рядочком, одиннадцать.
И заступ в дымящем суглинке,
И ров. И нельзя отодвинуться.

И унтер хрипящий,
Как будто не он нас, а мы — его!..
И рядом! ах, рядом до чащи!
И выдох стелящий: — Мы з Киева-а!..

И все. Темнотюга.
Ни боли, ни жара, ни холода...

Очнулся я: плакала вьюга
Разгневанно, истоиво, голодно.

И хлюпало глухо
В груди, рушником запеленутой.
И все повторяла старуха:
— Убитый, а смертью не тронутый!..

Скорбяще глядела,
Крестила усохшими пальцами:
— Пожуй,— подходяще для тела.
В картошку б — солицы да сальца бы!..

И ладно ли, худо
Творила она милосердие,—
Мой критик, неверящий в чудо,
Ведь слышишь: дышу после смерти я!

И память — живая,
Бессонная, жгучая, длинная,
Стучится, взывая:
Поляна! Поляна полынная!

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

До чего же невеселая картина:
Тошно чавкает расквашенная глина,
Кажет рёбра отошалая ракета,
И не небо — а всего большое сито.
Только стужа: день погожий и не снится.
Прослезило — негде глазу приютиться.
Плотный сумрак наплывает тихомолком.
По окружью рыщет ветер сизым волком.
Над канавой — ни листочка, только прутья.
Будто в сказке, вороньё над перепутьем.
Где ж то золото, что в гимнах пламенеет?
Где ж то солнце, что зимой и летом греет?
Вместо золота — пожухлые рогожи.
А пойдй найди роднее и дороже!

ЖАЖДА

Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.
В селе петушья куролесица,
Морозный дым над ним повис.

Как вздох — калитки оробелые,
Как трепет птахи в кулаке.
Березам снятся ночи белые
Да пенье вёсел на реке.

И долго им, бессоким, жаждою
О листьях жажду усыплять...
А Русь везде, у пня у каждого,—
И злая мачеха и мать!

РУССКИЕ

Ломает голову над нами умный свет:
«Не постижимы никаким рассудком,
Законнейшим законам не подвластны:
Всё — нараспашку, всё — в глуби себя;
Смолчат, где больно, над смешным заплачут
И беззащитных не пожрут — накормят.
О доннер веттер, так невероятно,
Как будто их Россия — антимир!..»
Трещат рациональные мозги.
Ломай... самих себя скорей увидим.

Мы так недавно есть, нам быть так долго,
Что если скажем: вечно!
Не ошибемся, не солжем и не слушаivism.

Вы морщитесь? Ну-ну! Переживем.
Ведь знаете, не сладко жилось-былось:
Нас, кровных солнцелюбов, с тьмой бездонной
Мечом, огнем и ложью обручали
Чужие и свои, но всё одно — враги.

Вы помните, в историях зубрили,
Как вороньё расклёвывало нас;
С полей в цвету, политых скорбным потом,
Просбленных и выкрасненных кровью,
Пришельцы клятые хозяев гнали
В горы, в глухомани, в дрягву...

Чем было жить? Земные, будто рожь,
Коль звал сполёх на сечу, мы, миряне,
Булату отдавали наши руки
И сокрушали в латах саранчу!..

А годы шли, текли в небытие,
Спадало пламя гнева и расплаты,
Смирнели мы, прощая всем и всё,
И новый прах и пепел обретали!..
Да, мы — не вы, чего ж тут не понять?

Вам не знакомо: что́ это — душа?
Слышали в сказке? Правда! Есть такая:

Она у нас всегда была владыкой —
Бескрайней, доброй, тихой и печальной,
И непреклонной.

Если разбудить!..

Светило, светило,

Светило, светило,

Душа, душа, душа,

Душа, душа, душа,

Светило, светило,

Светило, светило,

Душа, душа, душа,

Душа, душа, душа,

Светило, светило,

Светило, светило,

Душа, душа, душа,

Душа, душа, душа,

Светило, светило,

Светило, светило,

Душа, душа, душа,

Душа, душа, душа,

Светило, светило,

Светило, светило,

Душа, душа, душа,

Душа, душа, душа,

●
Сушь-земля сырая,
Тихие укоры.
У глушни-сарая
Сердятся моторы...

Верь им: сонь отпета
Яростным оралом.
Слышишь?.. Нет ответа
Ни в большом, ни в малом.

Клонит в дрёму, будит
Жаркая остуда.
Загляделись люди,
Заждались чуда:

Вечно не испеться —
Верить неизбывней!
И вручают сердце
Обещанья ливней...

Накипают стыни,
Пригинают ветры,
Да в печали синей
Тужат километры;

Смотрят раздорожья
Вкрадчиво и добро,
Чтоб горячей дрожью
Садануть под рёбра!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Вечер прозрачен и сочен,
Вот как спелый белый налив!
Шумливо... Но ты, прозабочен,
Темнеешь, как тень молчалив.

Ссутулив обвислые плечи,
В поля из правленья идешь...
Не скошены травы в заречье,
Течет переспелая рожь,

Ни в зуб не идет кукуруза,
Сурепка забила овёс;
А тут еще — жгуче и грузно
От жёнки, куси ее пёс.

Отчалила, вольница, в город:
«Пойми, дорогой, — не в мочь...»

Ползут по селу разговоры,
Что стал ты до «горькой» охоч;

Ползут, заползают в уши:
На роток не накинешь платок.
Колхозники бьют баклуши,
Молодняк, чуть что, — наутёк...

Да в чем же, в чем же загвоздка?
Ведь вот до приезда сюда
Всё было ясно и просто,
Любая страда — не беда.

И звали тебя на заводе
Надежным словом: мастак!
Ведь тут не хитрее вроде,
А дело с места — никак.

Песочат, мозги прочищают,
И правильно: нечем крыть,—
Прощают, велят, поощряют...
А всё-таки, как же быть?..

Идешь по росам горячим,
Один во всем виноват...
И чуткие чибисы с плачем
Срезают крылами закат.

РУСЬ

Подсмеялась, подкузьмила,
Шалых глаз не отвела.
Приманила. Любо-мило
Обескрылила орла.

Желторотому юнчонку
Насулила чуть не высь!
За калиткою вдогонку
Покрестила: «Не споткнись!»

И ветрюгой, и жарынюю
Проняла, как есть, насквозь;
Пропольнила польниною:
«Ничего, сынок,— авось...»

— Мам! Маманя! Мать родная!
Мне б — вперед, а тропка — вкось...

«Цыц, нишкни! На всех — одна я.
У меня таких, небось...»

Нá-ка пряник. Есть и веник:
В поводу́, а поведу!
Топай, паря, — не слабенец.
Не пеняешь?»

— Да, иду...

Повела куда хотела:
Топью, степью,— всё на кóн!
Закружила оголтело
Бесшабашным трепаком,

Горевальным звездопадом,
Снами сладкими в стогу,
Русокозой бойким взглядом,
Жаром осени в логу,

Теплым дымом, черствым хлебом,
Зябкой радостью зари,
Даровым богатым небом,—
Унесешь — хоть пуд бери.

Заманила, полонила,
Светит, смеха не тая...
Разнечиная ты сила!
Ненаглядная моя!

ПЕРЕД МАТЕРЬЮ

У родного кола, у двора
На побывку отпустит дорога.
Пыль и слёзы стряхнешь у порога
И шагнешь в неизбывное позавчера.

— Здравствуй, мать! Вот и свиделись мы!
Как тебе, моя тихая, можетя?..
Да живой я, довольно тревожиться,—
Вбей-ка гвоздь для сыновней сумы.

Как в деревне-то нынче?

— Живем...

Сам-то цел? До чего же худущий.
Ходят слухи, что дерзок и пьющий!?
Не пора ли разжиться умом?..

— Да не гладь обветшалых сапог,—
Ковш водицы плесни в умывальник,
С петухами подай утиральник:
На три дня появился сынок.

Это много-премного — три дня:
Хватит всласть потужить и опомниться!..
Сжалась хата. Лишь печка огромнится,
Будто мы — неровня, неродня.

Но подъята секира зари,—
Ласку красную ластит о стёкла.
И потемки, туманно и блёкло,
Завещают плугам пустыри.

И плакат под божницей немей,
И крикун-репродуктор — без грома...
— Здравствуй, мать! Я не ветер-бездома:
Ты сомненья во мне не имей.

ГЛУШЬ

Обоймёт молодая теплынь,
Заведет, не спрося, в купыри
И такую поведает синь,
Хоть губами, хоть горстью бери.

Ох, и любо к духмяной груди,
Обо всём позабыв, прикипать,
В зеленóm половодье лядин,
Ни о чем не грустя, утопать!

Плыть по травам, дышать и молчать,
На далекий свой путь не пенять,
Настоящую волю встречать,
Немудрящую радость понять,

Ошалело добреть, молодеть
Без боязни: «Что́ будет потом?»
И глядеть, и глядеть, всё глядеть
С пересохшим улыбчивым ртом.

Ни полчуда, да всё чудеса:
В каждом листике — трепет души.
И глядят тебе в душу глаза
Не заглохшей для счастья глуши.

Ах, как ждут они: ясностью жгут!
В них не тишь, а немая гроза!..
Ты взглядишь, ты не пасынок тут:
Ах, как ждут они, эти глаза!

Збери да вёрсты,
Колотьё в поясице,
Скрип дождя и берёсты, —
Нечему подивиться.

Выбоины, безлюдье,
Мхи растеклись кроваво.
Знобкий туман распутья,
Дума: налево? вправо?

Вздулись на лбу прожилки,
Высинил холод кожу...
Муромец на развилке
Думал когда-то то же!

Бездонный березовый омут,
Совсем полонящий озон!..
И раны житейские тонут,
И годы уже не резон.

Идется свежо и шажисто,
Мечтается в полный накал.
И сам соловьёшь от свиста,
Бросаешься в майский кагал.

Ни вешки нигде, ни приметы...
Замшелая бедная вяль,
Ты под ноги мне семицветы
Швыряешь! Неужто не жаль?

Тихоня, зеленая буря,
О как ты добра и крута:
Плакучие руки лазуря,
Чуть что, не придержишь кнута.

За шиворот цапнешь простецки
И вжихаешь: «Вот тебе, вот!..»
И тут же заботно, по-детски,
Пофукаешь: «Всё заживет!..»

Темнюще, и вот она, улка —
Средь гущи веселая редь,
И немо — и гулко-прегулко,
И знойно — и дрожь не прогреть.

То мчится листва — без движенья,
То замерла — крылья вразлет...
Какое в тебе наважденье?
Какой колдовской приворот?

А может, не очень бы верить?
Но вера, как финка, остра.
И что ты мне: явь или ересь, —
Хоть в красные когти костра!

На свету, когда холодно-красная
Хлынет на деревню глубина,
Человеку снится: не напрасно я
Высеял — не слопал — семена.

Людям любо верить: хмарь отхмурится! —
Дной, денек, ветри и тарабарь.
В три утра — улыбчиво на улице:
Помнит сон проснувшийся скобарь.

Каждый крепко знает: мы — работники,
Наше дело — пашню ублажать.
Для чего ж хозяев, беззаботники,
Обучать, чтоб не зевали жать?

Летуны, гостители дородные,
Вам-то что: шумнул — и был таков!
Паспорта у вас вполне народные,
Голько ноне бедно простаков.

Посудите сами: с давна-мóлода
Мы бесхлебье знаем и себя,
Но не сдохли от тюрьмы и голода,
Веруя, сильнеея и любя.

И хоть боль — не рожь, не перемолота,
Хоть житьё у нас не тра-ля-ля,—
Не отвыкнем от серпа и молота,
Тьмой не станет черная земля!

Тонюсенькая ломкая каемка
Затешила простывший окоём,
И глади глубь распахнута и ёмко
Молчит неугомонно о своем...

— Моя дружища, легкая котомка,
Ну вот и снова мы с тобой — вдвоем,
Сидится как? Не режут лямок плечи?
Костистая спина тебя не жмет?

Держись покрепче: нам шагать далече, —
На вёрсты угол наш ничуть не жмот...
«Не сваришь каши из цветущей гречи
И пусть в ее медах — ничуть не мёд».

Сидится как? Не режут лямок плечи?
Костистая спина тебя не жмет?
Держись покрепче: нам шагать далече, —
На вёрсты угол наш ничуть не жмот...
«Не сваришь каши из цветущей гречи
И пусть в ее медах — ничуть не мёд».

Ты ёрзаешь: «Куда встаешь? Куда ты?
Такая рань; да что тебе за спех?
Зазря блажишь иль ноги виноваты?
Рожна какого ждешь? Каких утех?»
— Не унывай: крепки твои заплаты,
И плечи у меня — не вйслей всех.

Да и поджилки вроде не ослабли,
И на душе — не тишь да благодать!..
Так что нам — молний ломаные сабли!
Им — громыхать, нам — топать, не пенять:
Должны мы переведать всё до капли,
Всё перевидеть, выстрадать, понять.

Беспошлинно-безданно столько взято
Дождей и солнц, улыбок и краюх,
И бражной мяты и ржаного злата,
Что и не счесть, — захватывает дух!..
И хоть платить долги солоновато,
Но день горит! Горнит зарю пастух!

ВЫБОР

Ставни глухие манят меня:
Душу сокрой.
Ложь лобызает, нож прислоня:
Любимый мой..
Злоба шипит: ужаль врага —
Ты или он.
Страх нашептывает: шатнись в берá —
Будешь спасен.
Горе велит: не минешь цепи —
Смирись, надень.
Благоразумье учит: скопи —
Про черный день.
Бессовесть сулит: не бойся греха —
Простаки простят.

Слепота глаголет: жизнь лиха —

Чему ты рад?

Любовь берет в полон, не спрося,

Вяжет, — молчи.

Гонит ветрам навстречу стезя,

Посох вручив.

Солнце в июлях жжет, не щадя:

Ой, продублю!

Плачет стохвостый бич дождя:

Выйди — врублю.

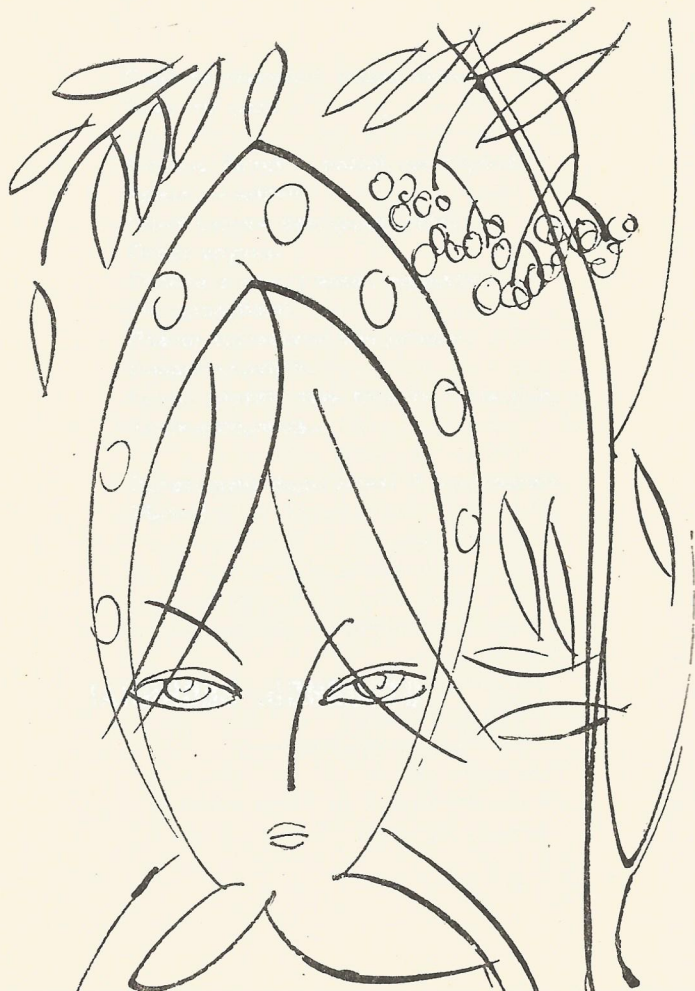
Грозы грозят: хоть глух ты, хоть нем, —

Крепче держись...

Здравствуй! Веди меня! Я — насовсем,

Жизнь!

ОТЗОВИСЬ, ВЕСНЯНА!

ДИВО

Светлане

Да уж въявь ли всё? Не приснилось ли?
Может, примерещилось? —
Задарила своими милостями,
Огнецветами дров трепещущими.

Протянула руки старанные,
Наплескала живого холода,
Расстелила брусничники самобранные:
Не знай ни жажды, ни голода.

Эта притуманенность щемящая,
За душу ласковостью хватающая,
Эта распахнутость, гордо стнящая,
Как девятый вал налетающая;

Словно глубь твоя обнаженная,
Неоглядная, непроглядная;
Как любовь моя несожженная,
Неусыпная радость безотрадная.

Забедуешь! А ельник с веселёнкой угрюмчивой
Приголубливает: «Слюбится, обвыкнется!»
И так отзывчиво в чаще задумчивой:
Что аукнешь, то и откликнется.

Увяданье дышит песней стоуюстою,
Светит неостудимой проталинкой...
Пить бы взახлеб, без устали
Твои губы с кроткой рыдалинкой!

Всё бы обнять до малости:
И потемки твои, и солнышко!
Всё бы отдать без жалости,
Высеять до последнего зёрнышка!

Густолистой роще в голосистом лете
Ласковый и тихий приглянулся ветер.
Зазывал в чащобу, крылья унимая:
«Без тебя, певунья, мне не будет мая!»
Шелестел и гукал, не жалея луни...
Отозвалась роща. До зимы ль в июне?
Насвистел, зеленой, сладких околесиц.
И зацвел ей липень — жар-медовый месяц!..
Если мед со хмелем — так бродить и горкнуть:
На крестинах август пляшет у пригорка!

Густолистой роще в голосистом лете
Ласковый и тихий приглянулся ветер.

Зазывал в чащобу, крылья унимая:
«Без тебя, певунья, мне не будет мая!»

Шелестел и гукал, не жалея луни...
Отозвалась роща. До зимы ль в июне?

Насвистел, зеленой, сладких околесиц.
И зацвел ей липень — жар-медовый месяц!..

Если мед со хмелем — так бродить и горкнуть:
На крестинах август пляшет у пригорка!

Отгулял и — в небо с первой журавлинкой.
И осталась роща сентябрь косынкой,

Праздновать с дождями слёзно октябрины
Да тянуть ладони до углѣй рябины;

Помнить, как сулил мил не любить другую,
Как ее зазимок пригревал нагую,

И роптать с поклоном в знобкую округу:
«Сватается ветер за белянку-вьюгу».

Петру Выходцеву

Дом ты мой, дом пустой,
Не обжитый, не согретый,
Помаленечку стой,
На хозяина не сетуй.

Не зови, не кори:
Всѣ не гладко, всѣ не просто.
С-под ладони зари
Не гляди на перекрёсток.

И не верь медовым снам:
У поэта — денег звонко.
Не угрожает к нам
С городским добром трехтонка.

Мой печальный простак,
Ты не ведаешь, не знаешь, —
Медный лунный пятак
На рубли не разменяешь.

Я не юн, ты не стар,
Но одной с тобой закваски:
Не забыл, не устал
Помнить бабушкины сказки.

Не сумел до сих пор
Разувериться в жар-птице.
Весь открыт, как твой двор:
Недосуг загородиться.

Пообвыклось. И впредь
Обойдемся без ограды:
Нам души не жалеть, —
Чем богаты, тем и рады!..

Эх, душа дровá,
Горевальная отравá!
Все слова — сонь-трава,
Отшумевшая забавá.

Помолчим у ворот:
Скоро в долгую разлуку.
Всё пройдет. Всё придет...
Дай-ка ласковую руку!

●
Ты под стать новополюю
На предзимних закатах, —
Молчаливою болью
Колосьев невзятых.
Ни души. Налетает
Ночь на крылищах черных.
Мрак часы коротает
В твоих выспевших зернах.

Бесприютно по-русски,
Безучастно: «Одна я...» —
Шорох, ломкий и хрусткий,
Как звезда заревая, —

Тонет, впитанный небом,
Осыпается: сроки!..
Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге!

Тонет, впитанный небом,
Осыпается: сроки!..
Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге!

Окровавлена моею кровью,
Ошалев на вольном ветерке,
Ты была сильна моей любовью,—
Как вода на взвихренной реке.

Больше не взлетишь и не помаешь,
Берег не зальешь, вольнѣм-вольнѣ,—
Вихорь стих. Ты тоже замираешь,
По теченью катишься, волна.

Щепки о тебя бока полощут,
Тина вьет свою пустую нить...
Для тебя, холодной, это проще,—
Замутнев, скользить, скользить, скользить...

Ничего! Исчерпано доверье.
Не журчи на все свои лады,—
Уноси заместо крыльев перья.
И не гнись от не своей беды.

Ройся помаленьку в русле рыхлом,
Утешайся штилевой судьбой.
И спокойно верь, что ты над вихрем,
А не вихорь плачет над тобой.

АИСТ

Подымаюсь, картечь пересилив,
Сбитый аист, сведенный с ума.
У меня за спиною — Россия,
У меня перед грудью — сума.

Я лечу, замирая и падая,
Переломанных крыл не жадя.
Мне не вспыхнет рука зябковатая
За слепою стеною дождя.

Крыльям бить, перья об ветер комкая,
Десять тысяч — сквозь мачеху — верст.
Мне пока не до клеткота громкого,
Не до выспевших в полночи звезд.

Мне октябрь, крепколап и бездумен,
Оголтело хохочет в глаза,
И на вербе, у замерших гумен,
С хрустом хворост жует с колеса!..

Что ж, хватай побуревшее крошево,
Жги навывлет набрякшую грудь;
Гогочи, налетай, разворошивай —
Веселись... Да про март не забудь!

1931

●
День темный и немой, путь не прямой,
Да нам не выбирать, понурый ослик:
Не всё ль равно, сегодня или после,—
Не пустят нас когда-нибудь домой.

Наверно так от веку повелось:
Люби с ледком, коль хочешь быть любимым.
А вспыхнул весь — тебя остудят дымом,
До искорки разветрят вкривь и вкось.

В ней всё — мороз, от лживых губ до рук,
Ее пустое сердце зло и глухо...
Бери, приятель, жаркая краюха,
И зрак лиловый не слезй на луг.

Когда-нибудь мы прикорнём у стога
И обречем теплинку невзначай...
А что гоню тебя, ты не сердчай,—
Ведь живодерня хуже, чем дорога!

- Неждешняя, залётная,
- Погожая, беспечная
- Настойчиво зовет меня
- Туда, где лето вечное.
- Всё вабит, привораживает
- Теплыню, тишью, цветенью:
- «Оледенеешь заживо,
- Айда со мной в заветерь!»
- Ведь тут надежды внешие
- Навылет проморожены:
- Просторища кромешные,—
- Ни вехи, ни дорожины;

Снегами всё затоплено —
Атлантика без пристани!
Не захлебнешься воплями,—
В немой дремоте выступишь...»

— Я рад бы, рад бы, русая,
Когда б не вьюга русская,
Не эта боль безлистая,
Молчащая неистово!

В моей далёй тумановой
Темно,— души не сказано:
Зажгу — тогда заманывай,
Пройду — тогда приказывай!

ДОЖДЬ В ЯНВАРЕ

Не стряслось беды под небом поздним —
Солнце опрокинулось в леса...
К человеку приласкалась роздынь?
Просто насквозило остом острым? —
Плакали железные глаза.

Падала земля глухонемая —
Скользок лед на ржавом пустыре.
И совсем не день пути до мая...
А мороз горел, напоминая,
Что не шутка — слёзы в январе!

Поднимались, разлетались, висли
Руки, как тяжелые громá,—

Здравствовались? Иль прощались с высью?
И виски, заснеженные жизнью,
Целовала любушка-зима.

Вечер бил: «Не я тебя неволил».
Ветер сек: «Не я тебя пригнал».
Сам ты побратался с белым полем,
С черным полем — ошалелым морем.
Заверни: качает наповал!

Только плечи раздирали воздух,
Будто сом — глухой капрон мерзлых...
И в клыках пурги, кривых и мерзлых,
В омотах, кипящих и беззвёздных,
Человек лучил январский дождь!

ПРОМЕЛЬК

Темноглазушка жаркоглазая,
Сердце — вот: возьми, затревожь!..
Ты в ответ рассмеялась — сглазила,
Наплескала вешний гудёж.

Блесконул твой смех, запронизывал,
Ветра мартовского острей!
Всплыли в памяти дали сизые,
Распахнулись, апреля пестрей.

Закурились тихони-пажити,
Кличут в путь-тревогу — на шлях!
И не ведаешь: явь ли, кажется ль —
Ели шепчутся? Звон в ушах?

Утро медленное, широкущее,
Желтизна кругом! желтизна!..
Ой ты, слезная, глупая, суцая,
Ах ты, сластынька-жизнь, грозна,

Запалила нас жгучей жаждою
И вселилась в белынь-кликунов...
Но, бескрылый, о небе страждая,
Весь ты смутным завтрашним нов!

В РАЗВЕДКЕ

Ни звезды, ни месяца —
Только мглица млечная,
Цапкий ветер бесится...
Ой, теплынь сердечная,

Искорка пугливая,
Огневинка тонкая,
Песня молчаливая,
Радость моя звонкая!

Лапят когти вечера,
В щёки снегом шаркают...
Не кидай на плечи мне
Руки свои жаркие;

Не пытай — не вымолвить,
Чем я запечаленный:
Разве словом вымерить
Глуби жгучих чаяний!

Крепко заненастило,
Люто запогодило!
Зá спину — не зá стену,
А потише вроде бы.

Заслонись хоть крохотку,—
Больше сделать нечего:
Слышишь, сколько хохоту,
Свиста, тьмы — навстречу нам?

Только ни полжалобы
Зубы не пролязгают:
Родина пожаловала
Нас высокой ласкою!

Псковщина
1942

ОСЕННЕЕ

Ближе дали, гуще ночи,
Колкий иней вдоль обочин,
Воздух резок и упруг,
Огнецветь: сгорают рощи...
Всё вокруг милей и проще:
Осень, друг.

Скоро станет онемело,
Зимно, бело... Что за дело:
День короче — да полной,
И студеней — да яснее,
И теснее — да честнее,
Сердце строже — да ровней.

Радость мерить точной мерой,
Другу платишь полной верой,
И не помнишь зла врагу,
И Веснянка, дочка мая,
Густотравье приминая,
Не мелькнет на берегу!

Нелегко — и так легко мне:
Позабыл, а память помнит
Косы в росах, в звездах плёс...
И идешь в пожар холодный,
Озабоченный, свободный,
И бедуешь — и без слёз.

И хоть грусти не похеришь —
Жизнь на свой аршин не меришь:
Мерь не мерь — слыла вода...
Ветер листья хороводит,
А Веснянка не приходит...
Может, греет холодá?

ПРОВОДЫ

Людмиле Зыкиной

Потому, что я сам осенний, что ли,
Мне осень всего милей?..
Догорает тихонько мое поле,
Пригасает под горький зов журавлей,
Приникает. А они курлычут, курлычут...
А им усыпление звенит в ответ,
А их тонюсенькие березки пугливо кличут,
И одинокая девушка долго глядит вослед.

Взметнула руки к безучастному небу
И не шелбхнется: некуда? не взлететь?
Стоит, чужая желанная небыль,
Погруженная в прозелененную медь.

А журавли всё ниже, всё глуше,
Всё глубже тонут в прощальную тишь...
И вот уже не расслышишь, что затекает в уши,
И что в глаза наливается, не углядишь.

Но я, затерявшийся, заробелый
И, может, чуточку сам не свой,
Гляжу, гляжу на платочек белый,
Застывший над непокрытою головой.

И зачем она? И о ком — так истово,
Так неусыпно, так целиком?

А вечер из-за осинника багрянолистого
Слизывает дорогу вкрадчивым языком...

А поле грустит о крылатых рыдальцах,
О себе, о весне, о нас.
Но белый флаг в терпеливых пальцах
Трепыхнулся, снизился и угас!

ВЕЧЕРНЕЕ

Я иду, один, рядом с вечером;
Вечер — сам по себе, я — не сам.
На пригашенном, на рассвеченном
На лугу — широко глазам!

И пронзительность, и улыбчивость,
И солинка нагоркла в них.
И поеживается отзывчивость,
Утекая из сердца в стих.

Рбысы в ноги с всхлипом ластятся,
Чуть похрустывая и звеня;
Дивы давние гулко бластятся,
Объегоривая меня,

И подстегивая, и пугаючи,
И веля: иди! — и держа.
И гульбит, грустя припеваючи,
Забурьяненная межа!..

Было ль, не было — всё тут кровное,
Рано, поздно ли — ты здесь сын...
И с самим собой в поле ровное
Выхожу: один на один!

В СУГРОБАХ

Глушит глыба-стужа... Глубкие сугробы;
На сыпучих гребнях — только волчьи тропы.
Жить в сугробах люто: долго ль заблудиться,
Растеряться, сгинуть, сердцем прохудиться?

Ох, простого проще в колкой снеговерти
Разучиться верить, напугаться смерти,
Позабить о веснах в сумерках унылых,
Выпустить оружие из ладоней стылых,

Угасить надежду, растерять патроны,
Гнев, как порох жаркий, променять на стоны,
Оскудеть зрачками: вместо слёз — ледышки,
Не тягаться с ночью, переждать в затишке...

С думою свинцовой пробиваюсь к лесу,
Чуть живой врываюсь под его завесу,—
Сердце приказало, сердцу не перечу:
Может быть, сегодня след Веснянки встречу?..

Хвойные лохмотья донизу повисли,
Тишина — услышишь собственные мысли:
Копоятся, рвутся, заползают в уши,
Осыпают, сеют глужие папуши.

Выплакала очи вдовая округа,
Только я да мысли: ни зари, ни друга,
Только плотный холод льется из сугроба
Да зевает бора жадная утроба.

В очень белом ели, мертвые, прямые,
И над всем — сугробы, как гробы, немые...
Но сведенный палец на курке взведенном
Может, может, может — и на дне студеном!

Человечье страшно и сильно, да бrenно.
Знаю: след набатный вспыхнет непременно!
Завтра снова, снова выйду спозаранку:
Захлебнусь снегами, а найду Веснянку!

Псновщина
1943

В ПЕРВУЮ ТИШЬ

Замри у спаленной опушки,
Ничуть не боясь, подыши.
Грохочет!.. — Да это ж лягушки.
Крадется!.. — Так то ж камыши.

Взывают нещадные трубы!.. —
Не рвись: гомонят журавли.
Над лесом багровые клубы!.. —
Заря доспевает вдали.

Стенанья, протяжные, вдовьи!.. —
Ведь это неясить поет...
И полнитися синею кровью
Раскиданный паводком лед.

И месяц лнём неторопким
Полощется в мутном пруду.
И станешь ты тихим и робким,
Зачем-то с собой не в ладу.

Зачем-то к земле равнодушной
Прижмешься холодной щекой,
Как в детстве сгоревшем, послушный,
Вздохнешь, что совсем не такой.

Ах, как мы отвыкли от весен!
Ах, как мы без них не могли!..
Копейки сиреневых блёсен
На рыжую глину легли.

Восход, желтоперая птица,
Смеется за черным бугром...
И весело вдруг загрустится,
И горькое вспомнишь добром.

1945—1953

КОЛОКОЛА

Поэма

*...как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.
М. Ю. Лермонтов*

ЗАПЕВА

Длиннее время — память короче,—
Приговор утвержден, как гроб на погосте!
Всесилен закон и сполна правомочен!
Гражданин старовер, апеллировать бросьте:
Не воскресить истлевшие кости.

Не перешибить плетью обуха,
Как бы железо рука ни разила;
И самая сухоногая сивка-резвуха
Никогда не завьет рысистой ЗИЛа,—

Горькоокая
Единешенькая лошажья сила...

Но память людская не ломкое дышло,
Не дряхлая плеть сыромятная кожа:
Она, как здоровое сердце,—

неслышна,

А чуть что не так, на тесак похожа!
Память, тяжелорукая правда,
Вчера и Сегодня итожит
Про Завтра.

Совсем не спрося, горлохвата сушит,
Палача и кретина — б стену лбом!
Слепые глаза и глухие уши,
Пустые мозги и темные души
До дна набивает гульбищем бомб!
Она как в аорте тромб.

Нет, память не цацка —
Нянька закона,
Нещадна,
Но только — жизнь, не смерть.
Память с таким на земле знакома,
Про что позабыть живым не посметь!..
И — время подъять на обух
Плеть!
— У-ух! — буду петь!

Первая песня

ПРИГРЕВКА

Псковичей

сшибая с печей,
Швыряя с перин,
Сребрая с дерюг,
Как с яблона ветр,
Как сиверко — палый лист,
Ополночь звон взревел,
Что тьма сентября тягуч,
Что дьякон соборный басист!

Звал:

Клял, заклинал, зверел!
Будто раненый вебрь могуч,
Точно стронутый лось быстр,
Злей цепных кобелей,
Поветрия морового грозней!
Как вздох разверзнутых недр,
Молотил, ликовав, хлестал:
«Не застал!
Нет — тебе! Нет! Нет!» —
На-ра-ста-ал,
Бахал бронзовый град,
До белá раскаляя дух:
«Бам! Бом-м! Ббух!..»
— Сполох! Набат! —

Разухабисто горевал,
Шевелил, подгонял:

«Скорей!» —

А потом замирал,
Не губами — сердцем стенал,
Словно кроткий крик матерей
С гордой горестью благословлял
Разъединственных сыновей.

Плэсков-брат,
Детинец, посад,
Детина с косой,
Купчина с кисой,
Стар и млад —
Рад не рад —
Всё на кон:
Кров,
Кровь,
Жён,
Невест,
Нательный крест,
Живот!..

Целовальник стелился ниц,
Вереща от глотки до пят:
— Пришел карачун!
Чур меня, чур!

Ахти мне, всё раз-зорят...

— Чтоб ты засох!

Встань, никудышный, цыц,

Вытри возгriвый нос:

У стен супостат —

Лютый ливонский пес!..

— Пошто дерешься под вздох?

— Споло-ох!..

На закате — восход,

Дюжина зорь — вразлет:

Двенадцать пожаров

Трясут небеси.

— Мое кружало...

Огради! Пронеси!..

У стен щербатых стон,

С четырех сторон

Железа трезвон,

Всхлип,

Скрип,

Кольчуг звяк,

Сорок сороков сермяг,

Холодный жар —

Известковый вар,

В ноздри — чад:

Котлы со смолой кипят —

Кромешный ад!

И над волчьей ночью —
Стоязыкий набат!

Вторая песня

ЗАСТОЛЬНАЯ НА СТЕНЕ

— Ле-е-з-у-у-ут!..

— Лезешь? Лезь, лезь:

Тут мед-брага есмь днесь!

— Лезут, лез-зут: лей, л-лей!..

— На здоровьице, лопай, пе-ей!

У тебя рогастая голова,
У меня гораздая ендова,
Братина хмельна — полна:

Держи,—

Каменное брашно по-гло-жжи,—
Круглый колобок в десять пуд:
Жадная башка с выи — капут!

Кукиш православный пососи!

Сами не стращаем — не проси!

Понапрасну-зряшно не засвищу:
Свистну — шкуру начисто спущу,—

Стоведёрный жбан шелохну-оберну,
Со стремяночки — и эх! — кувырну!

Накось, выкуси, кусни, закуси!
Ладно потчуют на Руси?

С кем схлестнулся, змей, разумеи, понимаи:
Сеять полымя не смей! Не замаи!..

Дым. Оглобельки. Вар. Мечи...

— Мама-мамонька!..—

Кричи не кричи.

Уж такое дело: невмочь — моги,

Так судьба велела:

врагов — аль враги...

— Люди-то что скажут, Данюшка, Дань,
Заклинаю сердцем: сынушка, восстань!

Дай-ка, студёной рúсу охлаждаю,
Грудущку рассéчену плáтом обявляю.

Ты уж подымися: побрось их в ров!
Дело-то не шутка: свадьба в покров!

Ведь гордынь Купаву не купишь рублём,—
Ты уж поусердствуй перед огнем!..

В зáревах девы впрямь красны:
Лады в латах — как венки весны.

Жёнки-несмеяны строгім-строгій,
Двужильные тетйвы им с руки!

Чёрны, что грехи, монахи у врат:
Шестопёры вскидывают —
  свят, свят, свят!..

— Гы-ы! Э-гей, русичи, знай — бей:
Робить нечего, робей не робей!

Уж такая доля: быть аль не быть!..
Подсоби монахам приступ отбить...

— Ишь цепляется; брысь, вались!
— Боже-боженька! —
  молись не молись.

В ровике тевтоны, как тритоны, кишат,—
Камни двусажённы крошут, крушат!

Не чубы-волосья, вовсе не кочны,
Напрочь скатываются на пески речны.

Под уклон журчит не вода седá, —
Кровь горячая, рудым-рудá.

Крючья, конники, кистени, топоры:
Жадным вбронам без поры пиры.

Копья, колья, зола, смола...
Люду вольному —
  была не была —

Хвала!

Третья песня

РЕКВИЕМ

Могилы русских воинов:

«Мы — жальники, жальники, жальники...
Молчальники. Тень. Горюны.
Но разве немые печальники?
Мы сўдьбы, мы сўдьбы войны.
Нас много, нас тьма превеликая,—
В честй и безвестных сейчас.
Мы шепчем, мы кличем, мы рыкаем:
Вы слышите, сущие, нас?»

Буйвище Даниила:

«Его давным-давно не стало,—
Он так далек!
Он мало жил и сделал мало,
Но — всё, что мог.
Напрасно свадьбы ждал, напрасно
В покров.

Где он не встал, — плита доныне красна,
То — кровь.

Он в ней горит непобедимо,
Пусть без венца.

И время — мимо, мимо, мимо:
Здесь нет конца».

Камень над Купавой:

«Не храп мечей, — весёлый кипень вёсел
Любила нежно дочка рыбаков.

Да привелось!..

Ей — восемнадцать весен,

Всё восемнадцать —

через семь веков!

Веснеть Купаве летом и зимою,
Светить в грядущий свет, в минувший дым.

Повенчанная вражьей стрелою,
Отмстившая,

Она навечно с ним!»

Курган матери:

«Когда они смежили очи —

Купава-дочка и сынок, —

Был сердца крик чернее ночи

И стены рвались из-под ног...

А мать молчала прямо в сечу,
Во весь свой гнев! Во весь свой рост!

И слёзы — ворогу навстречу!..

И дрогнул, и отпрянул пес...

Века могильник скособочили,

Тропа к кургану заросла...

А может быть, сыны и дочери,

В тот час и вас она спасла?!»

Гомола прапращуров:

«Я гомола — приют прапращуров,
Зачинавших твои пути.

Сын крылатого настоящего,

Ты иди себе, ты лети.

Растуманилось, поразъяснило,

Заутрёло: свежей, желтей.

Ключья ночи жмутся опасливо,

Слепнут, глохнут от гулких вестей.

Слёзы нежатся в тихой цветени,

На кукушкины слёзы опав.

Хорошея, солнцем забредили

Бубенцы примолкших купав.

И зегзица — сочти! — запророчила

Жизни долгие дни, сполна!

И протягивает обочина

Мяту, мятлик, медунку: нá!

Запытай,— раздарит до малости,
До огнинки горячий снег!
Не до горести, не до старости,—
Ты люби сполна, человек!
Видишь: каждая травка рада бы
Всё забыть с тобой заодно...
Как же мало для сердца надобно!
Как же много ему не дано!»

Обелиск под звездой:

О тишь-тишина, что ты поёшь?
О чем горюешь, звезда?
Быть солнцу, а ты роняешь дрожь,
Как птица пух из гнезда.
Иль слышишь голос тишайших сестер
На немислимой крохе — Земле?
Да сколько же их человек простер
В горячей русской золе?!
Глаза всё суше у братских могил:
Становится старью новь...
И он там был. И, случилось, лил
Свою и чужую кровь.
Ее не мерили в ту страду,
Шалело с неё коршунё.
Двадцати миллионам было́ на роду
До капли пролить ее.

И все они звали сожженную тишь
И на самом последнем краю,—
Вот так же совсем, как сирый малыш
Кычет маму свою!»

Жальники:

«Мы — жальники, жальники, жальники...
Молчальники. Тень. Горюны.
Но разве немые печальники?
Мы судьбы, мы судьи войны.
Нас много, нас тьма превеликая,—
В чести и безвестных сейчас.
Мы шепчем, мы кличем, мы рыкаем:
Вы слышите, сущие, нас?»

Четвертая песня

ПОХМЕЛЬЕ

Как прибыл предобрый князь
Вольный Новоград,—
Жил бескровно, не грозясь:
Не тому ль не рад?
Пировалось,— ну хоть брось,—
Всевладетелю.

В час урочный не спалось
Благодетелю.

Не с того ли в свет-очах
Темень хмарится?..
И решил на псковичах
Отбояриться:

— Кривичане исстаря
Все — разгульники,
Идолюги, скобари,
Богохульники.

Хватит скопу дураков
Русь раскалывать:
Присудили мы во Псков
Припожаловать!..

А пред Псков,— идя с Москвы,—
Есть гора одна:
Длань Великой и Плесквы
С той горы видна.

— Лепота!
— Рукой подать.
— Будто новый Рим!
— Уж такая благодать:
Парижу — где за ним!

И соборов и церквей,
И хором полно́,
И лабазов и ларей,
И людишек... Но!..

Чешет колокол-смутьян,
Бьет, сполошный грех,
Распалает псковитян,
Баламутит, брех.

Кремль заносчивый пять стен
Опоясали.
Не привычны гнуть колен,—
Знаем: лазали...

Все они — едина рать.
У-у, безбожние!..
Их рука́ми — их же братъ
Понаде́жнее.

Хоть готовы против нас
Встать не трусячи,—
Кто на распрю не горазд:
Сами — русичи.

Ихней сваре порадеть —
Вставить ключ в замок.

— Разделить и овладеть.
Побросать у ног!..

Жеребец под князем борз,
Ржет, копытом бьет.
Вниз — обоз на десять вёрст,
Вкруг — стрельцов сто сот!

Извивалась от костров
Зрякова гора.
Настилали дым на Псков
Тихие ветра.

А за дымом, а в дыму
Не с мечи — с подвохами
Двадцать два дьяка к нему
Благолепно пёхали.

Пятая песня

ЗАПЛАЧКА

Под Василием на Горке, чуть вниз,
Чуни, чеботы, опорки сошлись,
Шалопайи во скрипучих «русаках»,
И шалавы на вертялях каблуках,
Передёгченныи крѳюки до пахов,
А клешнятой босичины — мужиков, —

Не загадывай, не пыжься, не сочтешь!
— Не глазели бы, орали б лучше рожь...

Шапки прочь стояли псковские концы,
И посадки, и окрестные гонцы.
Перед звонницей народу собралось,—
Негде яблоку упасть. Не веришь,— брось!

— Чтой-то ноне непогодится.
— Год на год, вишь, не приходится.
— Слышь, третьёводни в бору
Филин ухал поутру!
— Побожись.

— Ей-бо, не вру!
— Днем? — Не слышал отродясь;
Не напрочил бы напасть...

— Чуть чего, втолочут в грязь:
Негде яблоку упасть.
Ну, как все на одного?..
— Не бойся, ничего:
Тут сейчас — тать не тать —
Можно вволю горевать.

— И пошто ты сплеховал,
Дал согласие, кум Федот?
Сам язык ему ковал,
Сам его и повезешь?

Это как же? Это что ж?
— Был Федот, да стал не тот.
— Повезу. А ты не трожь...

Псковичи прощались с вольницей,
Земно кланялись, как водится,
Глину взбухшую месили,
Причитали, голосили,
Шепотком бояр бранили,
Матерились, гомонили.

Складно пели гусяры
(Знали гусли в те поры):

— Ты прости, всполошный колокол,
Вольный наш отец.
Сринет вниз, потянет волоком
Тебя стрелец.

Лишь разъяснит застань серую,
Снимут буйну с плеч...
Ты служил нам правдой-верою:
Скликал на сечь.

Лиходей едва заявится —
Бил тревожный глас.
Без тебя бы нам не справиться
В погиблый час.

Под твои набаты зычные
Гуливали мы!..
Помнят вдовы горемычные
Плакун-холмы.

Не забудут крохи-сироты
Слезынь-сумы...
Где ступали злыдни-ироды,—
Дымы, дымы...

Ноне новость громом грянула:
Ясен князь велит,
Как взгорит заря багряная,
Тебя свалить.

За Валдай, дремучим волоком, —
Во Москву везти...
Наш отец, любезный колокол,
Прости, прости!

Шестая песня

КАЗНЬ

Восходило Ярило от Зряковой горы,
Напрямик по травищам, бережно:
Былки не пригнув, клубило пары,
Роски не спугнув, через боры, —

Дотянулось до бережка —
За тридцать три версты.
Окунуло в дремучие виры,
Омыло в Великой могучие персты.

И заневестились чисты́ кусты!
И заярились дергачом яры!

А солнышкин разговор скор:
Растолкало на куполах галочий хор;
А нрав у светлого — кому не знать:
Не побрезгало, не отвратило уст —
Обмакнуло в Зрачку-реку красный ус
И давай студёнышку миловать!
А потом настроило злат-струну,
Накидало мошкары в быстрину,
Покликало семифунтовых головлей:
«Гуляй — не жалей!»
И заплескал на плёсе пир-жор!

И взвил у Василия на Горке костер!

В одночасье жажнуло во дворах,
В курных конурах,
В теремах, в ушах, в сердцах,—
Будто утро с неба — в тартарары:
Зарубили остры́ топоры,

Заходили и вкривь и вкось,
Закромсали морёный дубовый брус,
Звонкий, что булат,
Плотный, словно кость,
Неподатливый секирам,
Как вражеским силам Русь!

Поскрипывал брус:
«Держу-усь! Не сойду, не свалюсь:
Не по зубам кус!..»
А калёные лезвия, возгорясь:
«Будя, слазь!»
А кованые, осердясь:
«Хрясь, хрясь, хрясь!»

С башни сыпалось эхо,
Голосило вдовой,
Прошибал рубак соленый пот...
— Раз-здайся, нар-род!..
— Заплечный мастер подъехал!
— Ишь, мор чумовой!
— Подрубят — казнить почнет.
Как же — без волюшки дорогой?
А, Федот?
— А-а, мужику, — нёчет, чет, —
Один почет.

А солнце печет.
А река течет.

А железные дятлици — тюк-потюк!
А губ раскоряченных: не молитва — матюг!
А руки сдубели, отбились от рук:
— Да, крепко звонило,
Лешак возьми,
Эка сила!
Не оберешься с таким возни.
Уф, уф, уморился: подай-ка ведро...

Рубили, кваском остужая нутро.

Остолбенела внизу толпа,
Так лес — после огнепала:
С плечей непокорных, с открытого лба
Зеленая кожа сползала.
Но вовсе не веря в бескрылый удел,
Нависший неотвратимо,
Он вздрагивал тяжело, он в небо глядел,
Он звал звонаря-побратима!
И, скрученный рясой, иссохший язык,
Как витязь пред страшным распятем,
Рванулся, к желанному сердцу приник,
Раздался громбóвым заклатьем!..

108

И глухо улегся, с землей обнявшись,
Уснул неусыпный басило...
И кланялась воину блеклая высь,
И туча кому-то грозила!..

— Эй, виночерпий, не мори! живей!
Черед за тобой: чарку налей!
Стрельцы-молодцы сделали дело, —
Смутьяна срунули. Крамола слетела.
Лей полней!

— Приступай, Уфалей! —
Дьяк-палáчник махнул платком.
И в красном волосатик злым молотком
Ахнул в чуткое тело!

Тяжко загудело:
«Ужо! Ожи-ву!..»
Искры — кровинами — в мураву.
Тяпал молот борзо:
«Дык, дык, дык!..»
А у палачины булькал кадык:
— Бесплотная бронза, —
Не к тому привык.
Что́ мне уши! Что́ мне — язык!
Упокою тело, вышибу дух...
Ваша честь, готово: ни языка, ни ух!

И. Н. Григорьев

109

— Знатна работа: и нем, и глух! —
Стряпчий глянул сбоку,
Раззявил рот:
— Собирайсь в дорогу, кузнец Федот! —
Покрестился, сплюнул, пнул ногой:
— Теперь он кутенок,
Не зверь гулевой:
Пасти не оскалит, не взревёт.

Но до соболиных потемок
За плескуньей-Псковой
Не расходился посадский народ.

Седьмая песня

КОНЧИНА

Когда на небе зари огонь,
Затопленный сонью, угас,
Повезли его о двенадцать конь
Стольной Москве напоказ.

Лежал он, поставленный на попа.
Двустапудовый, в цепях.
И хмурая ночь, на добро скупа,
Всхлипывала второпях.

Черно да сизо. Полным-полно
Здесь только туманов, — ох! —
Туманам в русской низи вольно,
Они тут и князь, и бог:

Зыбки, непрозрачны, густы, жидки,
Сулящие ведро дню,
Ледяны, крутые, что кипятки, —
Затуманили свет на корню...

Полосуют колёса валдайский тракт,
И небу — срок ядренеть!
«Издравле так.
И доньне мрак.
И так — непроглядно — впредь...»

Ты в думах не майся, русский смерд, —
Станет тишэй в груди:
Всё за тебя загадала смерть.
Ходи да в оба гляди!

А думы, тяжкие как жернова,
Ворочаются, не убечь.
От них бездольная голова
Ничуть не чувствует плеч:

«От Белых Струг
До Великих Лук,

Не вокруг, — напрямик:
Сто непролазных яруг,
И в каждой — по сто яруг.
Вот и паши,
Пожинай шиши!

И Гдов от Опочки —
Не три версточки, —
Трижды полста
Да с гаком;
И любая верста —
С плаком:
В Сороковом Бору — зверь: гляди!
В Серёдке — стрелец: плати!
На Крестах — монах
Обирает в прах!
В Острове — воевода: мыт гони,
А нет — в реке тони!
А шкура всего одна,
А киса прохудилась со дна.
Вот и извозь,
Вот и не брось!

От Печор до Порхова — голь,
Не деревни, а глаза боль.
В Пскове, что ни купец, — жук:
Обведет, зажабрит: каюк.

Вот и торгуй, Федот,
Вот и имей доход!

А дома?.. Хоть бы не поминать:
Десять девок, баба да мать,
Комола корова, конь без подков.
Чем их накормишь — четырнадцать ртов?..

А жизнь — вперекос,
А жизнь — невпопад:
От добра и от зла — беда!
В поле мёртвые ольхи торчат:
Их высушила... вода.
А рядом, на взлобке, поник березняк:
Без влаги, бедняга, зачах.
В высоком лесу пожух молодняк:
Старики отказали в лучах.
В тесноте не в обиде, — глаголят нам
Велеречиво хлюсты.
А эвон — гуща, не зелёно там:
Не живые кусты — кресты...» —

Зряшные думы много дён
Обжигают, да где с них спрос?
Вези, не помня, зачем рожден,
Слушай кряхтенье колёс...

Проезжали сёла и города,
Старорусскую непролазь.
Донимала пыль, допекали оводá,
Чавкала извечная грязь.

Палило солнце, калило пески,
Поливали дожди ездоков.
И лежали, полные теплой тоски,
Дрожали чащобы с боков...

Под Валдаем стали распрягать:
Животина умаялась вконец.
— Кто там несется?.. —

Глядь-поглядь:

Скачет московский гонец.

Подъехал. На поклажу глаза скосил:
— Грамота людям псковским:
«Повелел Великий князь Руси
Колокол опальный сломать! На куски!
А сокрушив, развеять в прах —
Разнести, раскидать на Валдайских горах!»

Федот — за кувалду:

— Сломать так сломать,
Благо, силы не занимать!..

Восьмая песня

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Валяться б осколкам в пыли,
Таить бы жаркие звуки,
Когда бы не ковалей,
Не их золотые руки.

Гинуть бы в стыни и в зной,
Зазеленым и сирым,
Когда бы их люд честной
Не уберег всем миром.

Ну, как в дармовой кабак,
Шли к лобному перелеску!
Осоку сгинали так,
Как свёкр и свекровь — невестку!

В дубняк, что в пасхальный храм,
Втекали с кроткой сноровкой,
Глядели по сторонам,
Как младушка перед свекровкой.

Бродили со склона на склон
Буераками и лесками, —
В наклон, в наклон, в наклон:
Искали, искали, искали.

Обшарили сыпень-пески
И дрягвы чернющее тесто...
Собрали, до фунта, куски,
Прибрали в надёжное место.

А в воскресенье — рядком-ладком —
Принялись кузнецы за дело:
И бронза под звень-молотком
Оживала, дышала, теплела!

И мастер заглавный — Федот...
— Тот самый?
— А кто же: тот самый!..
Над горном, как бог, восстает,
Фартовый, тревожный, упрямый!

— Ворон не лови, ты — бей,
Стучи, чтоб наружу — середка!
Не мешкай, соколики, грей:
Не выгоды ради работка!

Радеем за-ради Руси —
Не ради полешек да гривен...
Простынет! Живей подноси!
— А звон-то и вправду дивен!

— Уж ладен, честная мать:
И ласков, и грустен, и грозен!

— Какой там, — не так опять! —
И хвать колокольчик оземь!

— Да что ты, чудака-человек?
Чего еще?

— Голоса мало.
Неровен час, ладим навек:
Давай нагривай сначала!

То ли воля поет,
То ли сердце — вразлёт:
Руки, руки, будто крылья!
— Ну и хват! Ну Федот!
Как прицелится глазами,
Бровь изломит, как даст:
Над горами, над лесами —
Синий бас,
Знойный пляс,
Горький смех,
Долгий бег!..

Девятая песня

ПРИПЕВ

Российскую сонь беспокоя,
С тех пор колоколец гудит:

И слышится сердцу такое,
Что словом не скажешь, поди.
И ты замолчишь, обновленный,
На целую жизнь удивленный!

Увидь! —

                    разъяренная грива
И «динь-динь!» — несут скакуна!
И в миг этот сбудутся дива,
И высь распахнётся до дна!
И мерин ли, вóрон — над полем,
Ты сможешь:
Ты — Воин! Ты — Волен!

Припомнятся были и сказки,
Припевки певуньи-Псковы́,
Мечей забубённые ласки,
И плач безутешной вдовы,
Тягучие вопли набата —
Далекого вольного брата!

Зальется, по-русски бескраен,
Душа переполнена вся;
Заходит, как в хату хозяин,
И кровь горячит, нэ спрося.
В нем — ласка, укор и тревога,
Дорога, дорога, дорога!

Завьет, заколдует с размаху
Нехитрый валдайский звонец...
Ах, вещая гулкая птаха,
Да будет ли мчанью конец?
А вихрь:

                    «Это — только начало:
В сторонку, — кого укачал!»

СОДЕРЖАНИЕ

Забота

«Время столько забот назаботило...»	5
Кукушка на снегу	8
«Телега твердит на колдобинах...»	10
Горькие яблоки	12
Машук в тумане	14
У Сороти	16
Листобой	17
Зимнее	19
Земля	21
Память	24
Поздней осенью	27
Жажда	28
Русские	29
«Сушь-земля сырая...»	32
Председатель	34
Русь	36
Перед матерью	38
Глушь	40

«Зьри да вёрсты...»	42
«Бездонный березовый омут...»	43
«На свету, когда холодно-красная...»	45
«Тонюсенькая ломкая каёмка...»	47
Выбор	49

Отзовись, Весняна!

Диво	53
«Густолистой роще в голосистом лете...»	55
«Дом ты мой, дом пустой...»	57
«Ты под стать новополюю...»	59
«Окровавлена моею кровью...»	61
Аист	63
«День темный и немой, путь не прямой...»	65
«Нездешняя, залетная...»	67
Дождь в январе	69
Промельк	71
В разведке	73
Осеннее	75
Проводы	77
Вечернее	79
В сугробах	81
В первую тишь	83

Колокола

Поэма

Запева	87
Первая песня. Пригревка	89
Вторая песня. Застольная на стене	92
Третья песня. Реквием	95

Четвертая песня. Похмелье	99
Пятая песня. Заплачка	102
Шестая песня. Казнь	105
Седьмая песня. Кончина	110
Восьмая песня. Воскресенье	115
Девятая песня. Припев	117

Игорь Николаевич Григорьев

„ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ“

Редактор

Н. А. Чечулина

Художник

Н. И. Кузнецов

Художник-редактор

О. И. Масланов

Технический редактор

А. И. Сергеева

Корректор

И. Е. Блиндер

Сдано в набор 23/IX 1965 г.

Подп. к печ. 31/XII 1965 г.

Формат бумаги 60×84^{1/32}.

Физ. печ. л. 3,88. Усл. печ. л. 3,61.

Уч.-изд. л. 2,81. Тираж 10 000 экз.

М-48233. Зак. № 1442.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 411

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59

Типография имени Володарского

Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 16 коп.